

ступил против ГКЧП и признал Указы Президента РСФСР и решения Верховного Совета РСФСР. После событий в октябре 1993 г. он поддержал Президента России и издал указ о роспуске Ставропольского краевого совета. В декабре 1993 г. после принятия Конституции Российской Федерации Е. С. Кузнецов был избран депутатом Совета Федерации Федерального Собрания РФ первого созыва. При нем была создана новая структура краевой власти Ставрополя как субъекта РФ. После принятия Указа Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» на последнем заседании Ставропольского краевого Совета было принято решение о выборах в краевую Думу. По инициативе Администрации края ее состав был определен в 25 человек, вместо 42. Орган краевой Законодательной власти – краевая Дума, был избран 27 марта 1994 года во главе с В. Г. Зеренковым (2). В конце сентября 1994 г. она приняла Устав Ставропольского края как основной закон региона. Осенью 1991 г. в состав краевого руководства вошли представители демократического движения. Вице-губернатором стал лидер НФС В. А. Красуля, а его соратники заняли посты руководителей управлений и департаментов социального блока.

В годы перестройки Краснодарский и Ставропольский края стали перекрестьем миграционных потоков, которые состояли как из представителей славянского, так и титульного населения республик Северного Кавказа. Эти процессы получили развитие в последующие десятилетия и существенно изменили социальную картину жизни Северного Кавказа и страны в целом.

Литература

1. Ведомости Съезда Народных Депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990, № 23.
2. Государственная Дума Ставропольского края. 1994–2004. Ставрополь, 2004.
3. Дагестанская правда. 1991. 3 декабря.
4. Закон РФ от 9 декабря 1992 г. N 4061-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России» (принят седьмым Съездом народных депутатов РФ. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_83130.htm#sub_para_N_14).
5. История Кубани: учебное пособие / под общ. ред. В. В. Касьянова, Н. С. Короткого. Краснодар, 2005.
6. Конституция Российской Федерации. Ст. 5, пп. 1, 2. М., 2005.
7. Мацевский Г. О. Возрождение политической жизни кубанского казачества (конец 1980-х – 1990-е гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2002.
8. Мацевский Г. О. Первые организации движения за возрождение казачества: от фольклорно-этнографических к общественно-политическим/ Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №4(12), 2012. URL: www.sisp.nkras.ru.

УДК 347.961 (470.63) "19"

Долгов Алексей Владимирович

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО НОТАРИАТА

В статье рассматриваются имущественные, хозяйственные, социальные и иные проявления жизненных практик населения Ставропольского края в 1960-е – 1980-е годы, отраженные в нотариальных документах.

Ключевые слова: нотариальная служба, повседневность, жизненные практики, локальное сообщество.

Dolgov Alexey V.

SOVIET SLICE OF LIFE IN THE SECOND HALF OF XX CENTURY ON MATERIALS OF STAVROPOL NOTARIES

In article property, economic, social and other manifestations vital the practician of the population of Stavropol Krai in the 1960th – the 1980th years reflected in notarial documents are considered.

Key words: notarial service, daily occurrence, vital practices, local community.

Среди трудностей изучения российской, в частности советской повседневности, наиболее существенной является процесс выявления источников. Как оказывается при внимательном прочтении документов нотариата Ставропольского края, в рамках официальных источников местной власти содержится большой нереализованный потенциал информации о жизненных практиках жителей советской провинции.

Несмотря на то, что советский нотариат был одним из государственных учреждений системы, правоохранительная сторона деятельности нотариальных контор позднесоветского периода включала не только защиту государственных, но и гражданских интересов личности. По этой причине в местных источниках по истории нотариальной службы представлены и повседневные практики локального сообщества. Источники о деятельности нотариальных контор включают в себя исполнительные подписи, т. е. документы о взыскании всякого рода задолженностей – от возврата кредита до алиментов, свидетельства копий различных документов, удостоверения различного рода договоров, включая завещания и предоставление земельных участков под строительство, представления нотариусов в адрес различных предприятий и учреждений о нарушении законов. Следовательно, нотариальные действия раскрывают повседневные жизненные ситуации в хозяйственной и семейной практике советских людей. На их основе можно попытаться реконструировать такие стороны повседневности, как имущественные взаимоотношения внутри советской семьи, жилищные и материальные условия жизни граждан, соприкосновение личности с бюрократией государственного аппарата, практики обхода гражданами государственных законов и прочие.

Из обобщения нотариальной практики по удостоверению договоров об отведении участков под постройку жилого дома становится ясным, что, несмотря на материальные возможности того или иного гражданина, площадь построенного им частного дома не могла превышать 60 кв. м, что было оговорено в Гражданском кодексе РСФСР. Например, нотариат не заверил акт приемки дома в Ставрополе, т. к. доля одного из совладельцев дома составляла 82 кв. м. В результате владельцы частных жилых домов самовольно возводили дополнительные подсобные постройки в виде сараев и летних кухонь. Частыми были и случаи самовольного увеличения размеров своих земельных участков из-за того, что в пользовании гражданина не могло быть земли, даже в сельской местности, больше, чем 0,15 гектара для рабочих и 0,25 гектара для колхозников [1].

Мы заметили, что советская повседневность со временем существенно изменилась, а в гражданском законодательстве продолжали функционировать классовые принципы. Это вело к обычным нарушениям законов, что стало повседневной практикой для советских людей. В Ессентуках, к примеру, обычным делом было переоборудование сараев под жилые помещения для сдачи их отдыхающим. Таким способом жители курорта, пользуясь условиями дефицита путевок в санатории и дома отдыха и мест в гостиницах, получали незаконный дополнительный заработок. К примеру, владелец дома в 8 кв. м переоборудовал и достроил его до 25 кв. м, а другой пристроил к дому 2 комнаты, 2 коридора и 2 сарая [2].

Острота «квартирного вопроса» в советском обществе 1960-х – 1980-х годов просматривается и при анализе нарушений, которые допускали нотариусы при удостоверении договоров отчуждений жилых помещений. При санитарной норме в 6 кв. м на человека жители, например, Ессентуков селились на жилой площади в 11 кв. м на 3 человек, 15 или 18 кв. м на 4 человека [3]. В результате граждане не торопились выполнять имущественные обязательства перед государством, т. е. своевременно вносить квартирную плату. Люди не платили за квартиру по году, и это к середине 1980-х гг. стало типичной практикой. Нотариусы обращали внимание, что исполнительные надписи по запросам управлений трестов жилищного хозяйства содержат большие по тем временам суммы. В Невинномысске съемщица квартиры за 10 месяцев 1985 г. «накопила» долг на 289 рублей 89 копеек, а другой квартиросъемщик за 11 месяцев – 107 рублей 76 копеек и т. п. [4]. Если вспомнить, что средняя заработная плата составляла тогда 120 рублей, то становится ясно, что задолженности были очень большими. Нотариусы, защищая интересы государства, сетовали, что задолженности, взысканные принудительно, поступают с опозданием и тем самым затрудняют финансовый оборот.

Документы нотариата проясняют еще одну сторону советской повседневности – практику имущественных отношений граждан и их личной собственности. В условиях низкого жизненного уровня люди, как правило, искали пути сокращения расходов за счет сокращения государственных выплат. Например, при удостоверении договоров купли-продажи жилых домов покупатель и продавец договаривались о том, чтобы показывать нотариусу заниженную продажную стоимость дома для уплаты меньшего размера государственной пошлины. Дело в том, что цена купли-продажи устанавливалась сторонами сделки, и нотариусы «ни при каких условиях не могут определить ее», как писал в 1979 г. в обобщении старший нотариус Пятигорской конторы. В подобных обобщениях прямо указывалось, что возможны случаи «укрытия правильной продажной цены с целью умень-

шить уплату государственной пошлины. Тем не менее, нотариусы могли уточнять продажную стоимость дома через БТИ, исполкомы и финансовые отделы. Другое дело, что сотрудники этих организаций неохотно занимались таким выяснением, т. к. получали вознаграждение за сокрытие достоверных данных, да и сами нотариусы не утруждали себя розыскной работой.

Одним из типичных видов выплат государству в советское время был штраф за попадание в медицинский вытрезвитель и сообщение на работу. Далеко не все протрезвевшие граждане выплачивали этот штраф в 25 рублей, и тогда нотариальная служба выдавали исполнительные надписи о принудительном взыскании этой суммы. Мало того, нотариус требовал от предприятия публично обсуждать проступок работника, как это случилось, например, в 1986 г. с сотрудником Терского конного завода [5].

Наконец, вступая с государством в денежные отношения, в частности, используя возможности кредита для покупки крупных товаров, многие граждане старались уклоняться от оплаты долга по кредиту. Для того чтобы укрыться от выплат процентов по кредиту, граждане, как правило, увольнялись с предприятия, не сообщая о своем дальнейшем трудоустройстве. Руководство извещало об этом учреждения торговли с большим опозданием, хотя должно было это делать в пятидневный срок. Дело в том, что гарантом кредитоспособности гражданина выступало учреждение или предприятие, на котором он трудился. К примеру, работники Горячеводской фабрики художественных изделий, имевшие кредит, уволились в сентябре 1983 и в январе 1984 гг., а ГОРПО предъявило документы к взысканию задолженности только в июне 1985 г. [6].

В повседневной семейной практике в советском обществе, как свидетельствует анализ множества материалов местного нотариата, семейное хозяйство и семейное имущество рассматривалось членами семьи как общее и практически не делилось на части. Такой дележ случался только при разводе и был особенно болезненным, т. к. никаких предварительных документов о вкладе каждого супруга в общее имущество не было. Приходилось задним числом искать доказательства о принадлежности той или иной доли каждому из супругов. Исключения составляли муж и жена, у которых не было общих детей, но были дети от предыдущих браков. Только в этом случае с обоюдного согласия устанавливалось право на раздельное имущество без расторжения брака. Это давало каждому родителю уверенность, что в будущем их доля достанется их родным детям. Так, в Кисловодске за первую половину 1972 г. из 29 свидетельств о праве собственности было выдано только 2 документа о праве на раздельное имущество без расторжения брака. Остальные 27 документов получили супруги после смерти своей половины [7]. Как правило, делили дом, автомашину или мотоцикл, гараж и денежные вклады. Таким образом, из массовых нотариальных обобщений становится ясным, какие материальные ценности были символами зажиточности в советском обществе последних десятилетий.

Личное имущество граждан, если оно было более или менее значимым, находилось под бдительным контролем государства. Нотариусы как представители государства следили, чтобы у вдовы или вдовца не было собственной сберегательной книжки, если она или он получали право наследования на часть вклада на имя умершего супруга. При вступлении в право наследования автомобилем выяснялось, не получен ли он как выйгрыш по лотерейному билету. В этом случае вдовы и вдовцы теряли право наследования денег или автомашины. То же можно сказать и о случаях займа денег. При удостоверении договоров о займе денег нотариусы особо отмечали факты заключения договоров займа у одного и того же человека. Например, в Кисловодске за 1971–1972 гг. было засвидетельствовано 66 таких договоров. Среди них в отчете были отмечены 3 договора о займе у одного и того же лица [8]. Власть буквально охотилась за такими «богачами». С этой же целью нотариусы следили за тем, чтобы в этих случаях не допускались ссуды денег под проценты, одновременно охраняя личные интересы граждан.

Среди многогранной и противоречивой советской действительности рассматриваемого периода выделяется вопрос ветеранства. С 1970-х гг. власть стала все больше внимания обращать на условия жизни ветеранов Великой Отечественной войны. Среди всех категорий граждан эти люди пользовались наибольшими льготами, кроме полных кавалеров Ордена Славы и Героев Советского Союза, пользовались инвалиды Отечественной войны. В связи с этим некоторые участники войны пытались разными путями оформить справки о ранениях. Дело в том, что многие фронтовики потеряли такие справки, т. к. вскоре после войны льготы за ранения отменили. В связи с этим были не-

редки случаи мошенничества, когда документы об участии в Великой Отечественной войне фальсифицировались. Например, один из ветеранов в 1976 г. принес в нотариат справку о том, что он участник Великой Отечественной войны, был ранен и контужен, поэтому стал инвалидом 2-й группы, имеет награды. Эта справка была подписана в апреле 1959 года председателем профкома одного из предприятий Невинномысска со слов самого фронтовика. Документов, подтверждающих эти сведения, не было.

Льготы полагались и вдовам погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Поэтому в те годы нотариусы часто заверяли копии свидетельств о гибели участников военных действий. Поскольку в военно-полевых условиях такие справки выписывались наспех, то теперь при оформлении статуса вдовы участника Великой Отечественной войны женщины часто сталкивались со сложностями. Например, нотариусы в 1976 г. отказывались свидетельствовать копию с копии справки о гибели солдата, т. к. копия извещения, выданная войсковой частью в ноябре 1943 г., была составлена позже сельским советом Краснодарского края с нарушениями [9]. Введение ветеранства было воспринято различными слоями общества неоднозначно. Для ветеранов это стало материальным подспорьем, а их ровесники, потерявшие на войне родных и пережившие тяжести работы в тылу, чувствовали себя обиженными.

При изучении источников нотариальной службы выявляется ослабление внимания к отдельному человеку не только со стороны власти, но и со стороны общества. Как только в позднесоветском обществе личный интерес начал превалировать над общественным, все меньше люди стали обращать внимание на проблемы других. Типичным были случаи, когда о смерти одиноких людей становилось известно очень поздно. Так что судьба одиноких пожилых людей, несмотря на принципы коллективизма и декларации эффективности социальной защиты в СССР, была, как правило, незавидной. Для нотариата как государственного стража важнее всего в этой ситуации был факт порчи и разрушения имущества умерших людей. Ведь при отсутствии наследников все имущество умерших отходило государству. Только за второе полугодие 1982 г. нотариусами Пятигорска было выдано 7 свидетельств о праве государства на подобное наследство на сумму 4 540 рублей. Это были и денежные вклады, и предметы домашней обстановки, и дома. Нотариусы выражали недовольство в адрес заведующего Пятигорским городским финансовым отделом тем, что сведения от соседей о смерти одиноких домовладельцев поступают с большим опозданием. Так, сообщение о наследственном деле гражданки, умершей в ноябре 1979 г., поступило в нотариат только в марте 1983 г. За это время часть ее дома, оставшегося без присмотра, была почти полностью разрушена. [10]. Нотариат предложил финотделу взять на себя добровольную обязанность выявлять бесхозные строения и с помощью работников жилищно-эксплуатационных контор своевременно сообщать местным нотариусам о смерти владельцев. В течение 6 месяцев после смерти в поисках наследников имущество обязаны были сохранять именно ЖЭКи, которые, судя по представлениям нотариусов, выполняли эту функцию очень плохо. Были случаи, когда наследовать было нечего, т. к. от покойных оставалось только настолько непригодное имущество, что его по акту передавали ЖЭКам для уничтожения.

Таким образом, документы местных нотариатов, изученные в комплексе с другими источниками, существенно раздвигают рамки наших представлений о советской повседневности.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР-5964. Оп. 1. Д.287. Л. 70, 214.
2. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.14. Л.157.
3. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. д.14. Л.136.
4. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.287. Л.146.
5. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.287. Л.174.
6. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.287. Л.184.
7. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.14. Л.123.
8. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.14. Л.139.
9. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.93. Л.10, 11.
10. ГАСК. ФР-5964. Оп. 1. Д.212. Л. 113,117.